

Вопросы философии и психологии

Книга 95

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 95 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 254 с.

ISBN 978-5-458-04743-2

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04743-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Происхожденіе зла и смыслъ исторіи.

4) О христіанской исторіи и историческомъ христіанствѣ.

Что Христось перевернулъ всю исторію міра, это фактъ, который вынужденъ признать весь міръ, міръ не только христіанскій по своему сознанию, но и чуждый Христу, и враждебный Ему. Христось зачароваль міръ, загнипотизироваль; отъ Него пошло безуміе, непонятное для язычниковъ и по сихъ поръ. Человѣчество какъ бы сошло съ ума, съ языческаго, естественнаго ума, плѣнилось таинственной личностью Христа, отказалось во имя этой личности отъ всѣхъ призрачныхъ благъ античной культуры. По чудесному выраженію Розанова, Исусъ былъ такъ сладокъ, что весь міръ прогоркъ. Передъ Исусомъ Сладчайшимъ все въ мірѣ потеряло свою прелесть, стало прѣснымъ. Въ исторіи міра произошелъ какой-то космической переворотъ, началось подлинно новое лѣтосчисленіе, и не могутъ объяснить этой чудесной роли Исуса тѣ, которые видятъ въ Немъ только человекъ, хотя бы и самага необыкновеннаго. И весь крещеный христіанскій міръ, даже потерявъ высшее религіозное сознание того, кто былъ Исусъ, въ мистической своей стихіи чувствуетъ, что въ Немъ скрыта великая тайна, что съ Нимъ связана величайшая проблема міровой исторіи. Пусть умственно сравнивають Христа съ Буддой, Сократомъ или Магометомъ, все же въ глубинѣ чувствуютъ, что это не то, что съ пришествіемъ Христа измѣнился космической составъ міра, что вошла въ міръ сила не отъ міра сего, что транс-

центное стало имманентнымъ. Самые позитивные историки знаютъ, что послѣ Христа ось міровой исторіи измѣнила свое направленіе; Христосъ сталъ темой міровой исторіи. Сознаніе грѣха и сознаніе спасенія во Христѣ въ „Исповѣди“ бл. Августина было рожденіемъ новаго человѣка. Вся ткань человѣческаго существа стала не похожей на ветхую, языческую ткань. Ощущеніе и сознаніе вѣчной гибели отъ грѣха и вѣчнаго спасенія отъ Христа стали опредѣляющей силой исторіи. Послѣ Христа исторія міра пошла не по пути наименьшаго сопротивленія, какъ хотятъ думать позитивные историки, а *по пути наибольшаго сопротивленія*, по пути сопротивленія всему грѣховному порядку природы. Жажда личнаго спасенія стала основнымъ мотивомъ исторіи и временное непониманіе смысла исторіи, смысла земного существованія человѣчества во времени стало какъ бы исполненіемъ этого смысла.

Христіанская исторія не удалась, христіанство не осуществилось въ исторіи, но сама эта неудача, сама неосуществленность христіанства поучительна для пониманія религіознаго смысла исторіи, поддерживаетъ истину христіанскихъ пророчествъ. Въ христіанской исторіи совершили свой великій подвигъ самоотреченія и аскетической побѣды надъ природой христіанскіе святые, изъ которыхъ состоитъ подлинная Церковь Христова. Но весь „христіанскій“ міръ не принялъ реально христіанства, все еще остался языческимъ. Христіанская исторія была сдѣлкой съ язычествомъ, компромиссомъ съ этимъ міромъ, и изъ компромисса этого родилось „христіанское государство“ и весь христіанскій „быть“. Христіанская исторія была прохожденіемъ черезъ рядъ искушеній, тѣхъ дьявольскихъ искушеній, которыя были отвергнуты Христомъ въ пустынь: искушеніемъ царствомъ этого міра, искушеніемъ чудомъ и искушеніемъ хлѣбами. Искушенія христіанской исторіи отразились на историческомъ христіанствѣ, которое оказалось компромиссомъ подлинной религіи Христа съ царствомъ князя этого міра. Монашеское христіанство, аскетическое по формѣ, по со-

держанію было слишкомъ отъ міра сего и потому не могло создать міра иного. Средніе вѣка, которые будутъ для насъ вѣчнымъ поученіемъ и ко многимъ сторонамъ которыхъ мы неустанно должны возвращаться, особенно поучительны сочетаніемъ небесной мечты съ земной силой этого міра, лежавшаго еще во злѣ. Совершающееся искупленіе какъ бы закрывало творческую тайну космоса, и человѣчество все соединялось съ тлѣнной плотью этого міра, которую проклинали въ своемъ аскетическомъ сознаніи.

Средніе вѣка—самая загадочная и чарующая эпоха міровой исторіи, полная антитезисовъ и противорѣчій. Средніе вѣка не есть эпоха варварства и тьмы; этотъ старыи взглядъ давно уже оставленъ культурными историками, наоборотъ, это эпоха великаго напряженія духа, великаго томленія по абсолютному, неустанной работы мысли, это эпоха культурная и творческая, но не дневного творчества, а ночной культуры. Ночное сознаніе средневѣковья было полно прозрѣній и въ иныхъ своихъ точкахъ средневѣковье приближалось къ несказанному. Эпоха не только самая аскетическая, но и самая чувственная, отрицавшая сладострастье земное и утверждавшая сладострастье небесное, одинаково породившая идеалъ монаха и идеалъ рыцаря, феодальную анархію и священную римскую имперію, міроотрицанье церкви и міродержавство той же церкви, аскетическій подвигъ монашества и рыцарскій культъ прекрасной дамы,—эпоха эта обострила дуализмъ во всѣхъ сферахъ бытія и поставила передъ грядущимъ человѣчествомъ неразрѣшенныя проблемы: прежде всего проблему введенія всей дѣйствительности въ ограду церкви, превращенія человѣческой жизни въ теократію. Душа средневѣковья—чувство *покорности* Господу, рыцарская вѣрность Богу, Христу и Дѣвѣ Маріи, ставшимъ предметомъ любви. Во имя мистической покорности воздвигали люди средневѣковья готическіе храмы, устремленные ввысь, шли въ крестовый походъ освобождать Гробъ Господень, пѣли пѣсни и писали философскіе трактаты, создавали чудесный, полный красоты культъ, лю-

били прекрасную даму. Душа средневѣковья женственна, покорна Богу, отдается Христу и потому она рыцарски мужественна въ своемъ походѣ противъ враговъ Господа. Романтики всегда возвращались и будутъ возвращаться къ средневѣковью, видятъ тамъ родственное себѣ томленіе. О, мы прекрасно знаемъ, что средневѣковые люди нерѣдко были полны грубости и жестокости, что средневѣковая теократія была подмѣной власти Божьей властью человѣческой, что съ вѣками этими связана инквизиція и суевѣрія, но все это только подчеркиваетъ двойственный и сложный характеръ эпохи.

Средніе вѣка были устремлены къ небу, въ религіозномъ своемъ сознаніи проклинали землю, и земля оставалась языческой, само царство небесное на землѣ становилось язычески земнымъ. Идеаль феодальнаго рыцарства, равно какъ и идеаль священной римской имперіи, былъ странной смѣсью язычества съ христіанствомъ. Эпоха, проникнутая сознаніемъ грѣховности любви, была эротична до глубины своихъ основъ, создала культъ мадонны и влюбленности въ Христа, сблизила культъ прекрасной дамы съ вѣчной женственностью міровой души. Всякому извѣстны тѣма и невѣжество среднихъ лѣтъ челоуѣчества. Но можно ли сказать, что была философскимъ безвременьемъ и темнотой эпоха, въ серединѣ которой явился Іоаннъ Скоттъ Эригена, а въ концѣ Мейстеръ Эккертъ? Была ли некультурна эпоха Данте и Томы Аквинскаго? Вся античная культура вошла въ средневѣковье, міровая душа жила и развивалась въ теченіе этихъ оклеветанныхъ вѣковъ. Напряженное чувство личности, личнаго спасенія (у монашества) и личной чести (у рыцарства), утверждалось въ эпоху, которую принято считать временемъ полнаго порабощенія личности. Въ основѣ феодальнаго строя лежало начало личности, и послѣдующее обмѣщаніе и обуржуазиваніе міра стерло краски индивидуальности. Средневѣковые ужасы миновали безвозвратно, средневѣковая дикость ушла вглубь прошлаго, средневѣковая красота, средневѣковая культурность, средневѣковая

напряженность дѣуховнаго томленія манять насъ и до сихъ поръ. Философія будущаго больше будетъ имѣть общаго съ философіей средневѣковой ¹⁾, чѣмъ съ новѣйшей, новая общественность — съ теократіей, новая религіозная жизнь будетъ какъ бы возстановленіемъ средневѣковья, но освобожденнаго отъ дуализма, переведшаго томленіе въ реальность. Почему же идеалы среднихъ вѣковъ не удались, не реализовались, почему наступила эпоха новаго богоотступничества, свѣтскаго гуманизма, возрожденія язычества, а затѣмъ позитивизма и позитивнаго социальнаго строительства? Почему великая, святая идея теократіи, Града Божьяго, стала ненавистной новому человѣчеству, почему оно отказалось отъ томленія по небу, почему ничего не вышло съ грандіознымъ опытомъ охристіанить міръ безъ остатка? Почему всѣ надежды новаго человѣчества идутъ въ разрѣзъ съ мечтами средневѣковья? Какъ можно отстоять религіозный смыслъ исторіи, если произошелъ такой крахъ съ самой религіозной эпохой, что пропала у человѣчества охота религіозно организовать жизнь и религіозно направить исторію?

Этотъ трагизмъ христіанской исторіи въ томъ коренился, что христіанская религія все еще не была полнымъ откровеніемъ, что не наступили еще времена для раскрытія положительной *религіозной антропологіи*, монистической правды о земной судьбѣ человѣчества. Въ религіи Христа былъ данъ Богочеловѣкъ и открылась правда о личномъ небесномъ спасеніи, но не было еще дано богочеловѣчество, и не была еще открыта правда о соборномъ спасеніи міра, о пути осуществленія духа Христова въ міровомъ космосѣ. Въ христіанствѣ не было положительнаго религіознаго идеала общества, и аскетическій подвигъ святыхъ былъ антагонистиченъ самой постановкѣ этой проблемы. Поэтому дуализмъ небеснаго и земнаго, религіознаго и мірскаго сталь

¹⁾ Средневѣковая философія не исчерпывалась схоластикой. Такъ, напр., гениальный Іоаннъ Скоттъ Эригена многое предвосхитилъ въ философіи Шеллинга и Гегеля.

хронической болѣзнью христіанской исторіи. Человѣчество, какъ бы предоставленное самому себѣ въ дѣлахъ этого міра, въ историческомъ творествѣ культуры и общественности, беспомощно строило свою антропологию, свое человѣческое ученіе объ обществѣ и о пути исторіи. Богочеловѣкъ явился въ міръ; мистическій актъ искупленія совершился, но богочеловѣчскій путь исторіи еще не былъ найденъ, все еще оставалось обширное поле для подмѣны божескаго человѣческимъ, для соблазновъ князя этого міра, который всегда охотно подсказываетъ, какъ лучше устроить міръ, когда Духъ св. не вдохновляетъ еще человѣчества. И исторія христіанской теократіи была сплошной подмѣной, сплошнымъ соблазномъ; въ исторіи этой или господствовала ложная антропологи́я (католичество) или совсѣмъ почти отсутствовала антропологи́я (православіе). Католичество было очень антропологично, въ немъ было слишкомъ много человѣческаго, и оно создало ложную теократію—папоцезаризмъ, въ которомъ власть божеская была подмѣнена властью человѣческой, папа былъ признанъ замѣстителемъ Христа, и человѣкъ этотъ былъ почти обоготворенъ. Все католическое ученіе о церковной іерархіи съ папой во главѣ было ложной религіозной антропологи́ей и обнаруживало отсутствіе подлинной религіозной антропологи́и—откровенія богочеловѣчества, въ которомъ Самъ Христосъ есть Царь и Первосвященникъ и не имѣетъ замѣстителя. Западный папизмъ былъ слишкомъ явнымъ соблазномъ князя міра сего, продолженіемъ языческаго царства—*imprium romanum*, на которую очень походитъ католическая церковь. Католичество возвысило человѣческую стихію, почти обоготворило ее въ лицѣ папы и князей церкви, и принизило ее, втоптало все человѣческое въ грязь въ лицѣ всѣхъ мірянъ, всѣхъ людей вообще. Лжерелигіозная антропологи́я западнаго папоцезаризма, положенная въ основу католической теократіи, была приниженіемъ личности Христа, отдѣленіемъ отъ божескаго; въ ней не достигалось богочеловѣчество и не достигалось непосредственное общеніе съ Бого-

человѣкомъ. Для мірянъ, въ которыхъ не было положительнаго зла, отравлявшаго всю католическую іерархію, Христосъ не былъ внутреннимъ, оставался внѣшнимъ; они подражали страданіямъ Христа, влюблялись въ Христа, какъ во внѣшній объектъ, но не принимали Христа внутрь себя. Безумна была мысль, что можно найти на землѣ замѣстителя Христа, что можно обожить человѣческую природу іерархическимъ преемствомъ, а не свободнымъ принятіемъ внутрь себя Христа. Вѣдь въ Францискъ Ассизскомъ больше было священства, чѣмъ въ любомъ папѣ.

На православномъ востокѣ, въ Византіи, а потомъ въ Россіи, христіанскій міръ подвергся другому соблазну, соблазну цезарепапизма: тамъ царя признали замѣстителемъ Христа, и человѣка этого почти обоготворили. Въ православіи слишкомъ мало человѣческаго, нѣтъ никакой антропологии, но зато хранилось подлинно божеское. Византійско-русское теократическое царство было тѣмъ же соблазномъ римскаго имперіализма, языческаго царства этого міра, которое господствуетъ вездѣ, гдѣ міръ не сливается съ Богомъ. Папоцезаризмъ и цезарепапизмъ были двумя формами „христіанскаго государства“, двумя лживыми попытками власти этого міра выдать себя за христіанскую, въ то время какъ никогда не было сказано и предсказано, что религія Христа будетъ властвовать надъ міромъ, будетъ преслѣдовать и насиловать, а не сама преслѣдоваться и насилуется. „Христіанское государство“, дѣлающее видъ, что міръ принялъ христіанство и что христіанская власть господствуетъ надъ міромъ, во всѣхъ своихъ формахъ было исторической сдѣлкой христіанства съ язычествомъ. Государство языческаго происхожденія, и только для языческаго міра оно нужно; государство не можетъ быть формой христіанской общественности, и потому католическій папизмъ и православный цезаризмъ—остатки язычества, знаки того, что человѣчество еще не приняло въ себя Христа. Для человѣчества, принявшаго Христа, для богочеловѣчества не нужна власть человѣческая, такъ какъ оно абсолютно покорно власти

Бога, такъ какъ для него Христось—Царь и Первосвященникъ. Подлинная теократія есть откровеніе богочеловѣчества на землѣ, откровеніе св. Духа въ соборномъ человѣчествѣ. Въ христіанской исторіи, въ „историческомъ христіанствѣ“ времена этого откровенія еще не наступили, и человѣчество соблазнялось, жило въ своей коллективной исторіи по-язычески. Аскетическое религіозное сознаніе отворачивалось отъ земли, отъ плоти, отъ исторіи, отъ космоса и потому на землѣ, въ исторіи этого міра языческое государство, языческая семья, языческой бытъ выдавались за христіанскія, папизмъ и вся средневѣковая религіозная политика назывались теократіей. Противъ лже-религіозной антрополгії, противъ сомнительной, подложной теократіи возстало человѣчество, освобождающее и утверждающее свою человѣческую стихію. Наступили времена реформации и гуманизма.

Протестантизмъ былъ здоровой реакціей противъ лжи католичества, противъ вырожденія церкви; протестантизмъ пытался возстановить свободу Христову, которая была окончательно утрачена; въ протестантизмѣ утверждалось личное начало, которое лежало въ основѣ религіи Христа. Ложное ученіе средневѣковаго католичества о человѣкѣ, лжерелигіозное приниженіе человѣческой личности привели къ протесту, относительная правота котораго несомнѣнна. Протестантизмъ долженъ былъ явиться потому, что въ исторіи христіанства не было положительной религіозной антропології, и пустое мѣсто заняла ложная антропологія. Въ протестантскомъ возстаніи личности и утвержденіи свободы зачался новый человѣкъ, человѣкъ новой исторіи. Протестантизмъ въ началѣ своемъ былъ мистичень, но не имѣлъ въ себѣ творческихъ религіозныхъ силъ, несъ съ собой лишь отрицательную правду и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи перешелъ въ раціонализмъ. Если въ католичествѣ было ложное, сбившееся съ пути ученіе о церкви, то въ протестантизмѣ сама идея церкви начала постепенно истребляться. Раціоналистическій инди-

видуализмъ, а потомъ позитивизмъ оказались предѣломъ этого отрицательнаго развитія.

Ту же правду, которая провозглашена была протестантизмомъ и была началомъ революціи человѣческаго духа, еще смѣлѣе и крайнѣе утверждалъ гуманизмъ. Гуманизмъ возсталъ противъ безчеловѣчной антропологии католичества, да и всего историческаго христіанства, отвергъ ложную теократію во имя человѣческой антропологии, во имя честнаго и открытаго утвержденія чисто человѣческой стихіи и человѣческой власти. Гуманизмъ взялъ подъ свою защиту проклятую землю, въ язычествѣ искалъ освященія отвергнутой христіанствомъ плоти. Католичество утверждало не божественную власть въ мірѣ, а власть человѣческую, выданную за божественную (власть папы и церковной іерархіи), гуманизмъ требовалъ освобожденія отъ лжи, снималъ цѣпи и утверждалъ власть человѣческую, ничѣмъ не прикрытую. И въ этомъ была несомнѣнная правда. Человѣчество должно было освободиться отъ ложныхъ, сомнительныхъ теократій, стать на ноги, очеловѣчиться и очеловѣчить всю свою культуру, чтобы явилась почва для истинной, подлинной теократіи, чтобы вольно и сознательно подчиниться власти Бога, Бога, а не папы или цезаря, не человѣческаго іерархизма. Гуманизмъ справедливо возсталъ и противъ католическаго папоцезаризма, и противъ православнаго цезарепапизма. На пустомъ мѣстѣ религіознаго сознанія христіанскаго міра, которое до сихъ поръ наполнялось ложью, появился гуманизмъ и сталъ поднимать человѣка, ставить его на ноги. Антропология католичества была, въ концѣ-концовъ, языческая. И въ основаніи ея лежалъ соблазнъ *imperium hominum*. Католичество было пропитано этой языческой антропологіей и теряло связь съ божескимъ; православіе сохранило связь съ божескимъ, но не имѣло никакой самостоятельной антропологии, отражало восточную приниженность человѣческой стихіи. И вотъ человѣчество въ историческихъ своихъ путяхъ должно было пройти безрелигіозный гуманизмъ, чтобы наступили вре-

мена религіи богочеловѣчества, чтобы открылась человѣчеству религіозная правда о его земной судьбѣ. Началась эпоха самоутвержденія безбожнаго человѣчества, тяжелый опытъ, который долженъ былъ быть изжитъ до конца, прежде чѣмъ человѣчество могло вступить на путь богочеловѣческой, прежде чѣмъ была религіозно сознана истинная антропология, не безчеловѣчная антропология историческаго христіанства, не безбожная антропология гуманизма, а антропология богочеловѣческая. Новый гуманизмъ имѣлъ свои корни въ религіи Христа; безъ Христа въ прошломъ онъ не могъ бы такъ возвысить человѣка, но не сознавалъ своего происхожденія.

Гуманизмъ привелъ къ деклараціи правъ человѣка и гражданина и къ великой французской революціи. Гуманизмъ сталъ утверждать себя, какъ отвлеченное начало, какъ начало не только самостоятельное, но и высшее. Отвергли всякую сверхчеловѣческую святыню; человѣка и человѣчество признали высшей святыней. Освобожденіе отъ ложной теократіи и безчеловѣчія, прикрытаго религіей, вело къ уничтоженію всякой религіозной святыни, къ обоготворенію человѣка и человѣчества, къ безбожію. Поэтому весь гуманистическій, освободительный процессъ двойственъ: онъ заключалъ въ себѣ великую правду, часть религіи богочеловѣчества, и великую ложь, часть образующейся религіи человѣческаго самообоготворенія. Въ великой французской революціи и во всѣхъ освободительныхъ революціяхъ была несомнѣнная правда, возстаніе противъ несомнѣнной лжи, освобожденіе отъ первоначальнаго рабства, но было и новое зло, обоготвореніе человѣческой стихіи, поклоненіе новому земному богу вмѣсто Отца Небеснаго, съ которымъ соединилъ насъ Христось. Гуманизмъ, религія человѣчества, человѣческаго могущества и человѣческаго совершенства, сталъ паесомъ новаго, потерявшаго Бога человѣчества. Гуманизмъ окончательно убѣдилъ людей новаго времени, что территоріей этого міра исчерпывается бытіе, что ничего больше нѣтъ и что это очень